

Е Цзинли заговорил. Его голос, по-прежнему мягкий и нежный, всё же таил в себе едва уловимую, нескрываемую хрипотцу. Он упорно смотрел на Ли Хаотяня, изо всех сил стараясь сдержаться, чтобы не выдать обуревающие его эмоции.

— Ань Цзинь — моя младшая сестра.

Словно пытаясь подчеркнуть свои слова или отчаянно убедить в них самого себя, Е Цзинли вновь заговорил с улыбкой, и его голос наконец зазвучал гораздо естественнее, чем пару минут назад.

— Раньше я был непутёвым, поэтому Ань Цзинь и не хотела никому ничего рассказывать. Но отныне я постараюсь стать хорошим старшим братом.

Произнеся это, Е Цзинли на мгновение задержал тяжёлый взгляд на Ань Цзинь, а затем снова встретился глазами с Ли Хаотянем.

— И я надеюсь, что ты будешь хорошо заботиться об Ань Цзинь!

Е Цзинли слегка прикусил губу. Казалось, он больше не в силах держаться на ногах: бросив быстрый взгляд на руку Ли Хаотяня, обнимающую Ань Цзинь за талию, он кивнул и, выглядя несколько растерянно, повернулся и зашагал в толкучку гостей.

Ань Цзинь от удивления широко распахнула глаза. Она никак не ожидала, что Су Юй произнесёт такие слова...

Неужели... неужели он готов подарить ей свободу?

Её пушистые загнутые ресцы затрепетали. Каким бы железным ни было сердце, перед лицом человека, который так искренне о ней заботится, невозможно было не испытать прилив глубокой трогательности.

Ли Хаотянь со задумчивым видом посмотрел на стоявшую рядом Ань Цзинь.

Он мало что знал о делах Клана Су, лишь слышал, что они удочерили девочку, оставшуюся сиротой после смерти старого знакомого, и носились с ней, как с драгоценной жемчужиной. Боясь расстроить, ей даже не позволяли появляться на официальных приёмах.

Он никак не ожидал, что Ань Цзинь окажется именно той самой приемной дочерью Клана Су.

Вспомнив о знаменитой эксклюзивной технологии Клана Су, Ли Хаотянь внутренне встрепенулся, и взгляд, которым он окинул Ань Цзинь, заметно изменился...

Ань Цзинь с трудом справилась с подступившими к горлу слезами умиления и, подняв глаза, сразу встретилась со взглядом Ли Хаотяня, полным глубоких раздумий.

С тех пор как она устроилась в компанию, он ещё никогда не смотрел на неё с таким пристальным вниманием.

Ань Цзинь слегка нахмурилась: с одной стороны, ей было приятно, что её наконец-то выделили из толпы, с другой — казалось, будто её недооценивают.

Клан Су есть Клан Су, а она — это она! Всё, чего она сейчас добилась, — результат её собственного упорного труда, и с Кланом Су это никак не связано!

Пока эти двое были погружены в собственные мысли, в остальной части банкетного зала царил не менее скрытное напряжение.

Внешность и Ли Хаотяня, и его спутников сама по себе привлекала всеобщее внимание, что уж говорить о столь классическом любовном треугольнике: двое мужчин и одна женщина!

Хотя услышать их разговор никто не мог, в дело вступили сплетни: пара крупниц правды плюс восемьдесят процентов бурной фантазии.

Пока кучка светских дам увлеченно додумывала подробности, одна из знающих особ не удержалась и решила раскрыть карты:

— Тот парень только что — младший господин Клана Су, Су Юй! А эта девица...

Она презрительно и завистливо покосилась на стоявшую неподалёку Ань Цзинь и нарочно повысила голос:

— Вообще-то она — невеста Су Юя! Выросла в Клане Су с малых лет!

Её слова прозвучали громко и отчетливо, обладая потрясающей пробивной силой.

Лицо Ань Цзинь мгновенно залилось краской. Поймав ошеломленный взгляд Ли Хаотяня, она вдруг побелела как полотно, а краски схлынули с её лица без следа.

Её испуганный взгляд метался по шепчущимся вокруг людям. Чувствуя себя так, будто кто-то сорвал покров с её постыдной тайны, Ань Цзинь сгорела от жгучего стыда. Не глядя на Ли Хаотяня, она сжала в кулаке подол платья и бросилась прочь...

Ли Хаотянь нахмурился. Окинув сплетников суровым, предупреждающим взглядом, он тут же бросился в погоню.

Е Цзинли, заблаговременно давший дёру, отвёл взгляд и довольно усмехнулся.

Стоит ли говорить, что он вовсе не собирался проявлять благородство, мостить дорожку для отношений главных героев и становиться ступенькой на пути Ли Хаотяня к вершинам бизнес-олимпа?

Его недавнее представление, разумеется, преследовало совсем иные цели.

В столь щекотливый момент, когда чувства ещё не успели окрепнуть, заранее раскрыть перед Ли Хаотянем истинное происхождение Ань Цзинь как приёмной дочери Клана Су.

Разве сможет Ли Хаотянь и впредь смотреть на Ань Цзинь как на простую, упрямую девчонку?

Нет. За её спиной стоит Клан Су.

Что расцветет на почве, где романтика переплелась с расчётом?

Ему не терпелось это увидеть...

Улыбка на губах Е Цзинли стала ещё шире, но во взгляде читался такой холод, будто он готов был превратиться в лёд.

Выпить?

Низкий голос раздался совсем близко — настолько близко, что Е Цзинли ощутил обжигающее дыхание незнакомца.

Мысленно выругав себя за непростительную беспечность, Е Цзинли молниеносно вернул лицу невозмутимое выражение и обернулся.

Ли Цзинчэнь.

Его зрачки едва заметно сузились, а уголок брови дрогнул:

— Что ты здесь делаешь?

Он же специально выбрал это идеальное место: отсюда отлично просматривался весь банкетный зал, и в то же время оно было скрыто от посторонних глаз, образуя уединённый уголок, куда никто не сунется без нужды.

Просто безупречно для того, кто терпеть не может светское щебетание и нуждается в тишине, чтобы разложить всё по полочкам.

Но этот человек...

А ты разве не здесь?

Ли Цзинчэнь с абсолютно невозмутимым видом опустился рядом с Е Цзинли и аккуратно поставил на столик дополнительный бокал с вином.

Диван был просторным, но это если сидеть одному. Сейчас же двое рослых мужчин с длинными ногами оказались прижаты друг к другу, и даже несмотря на то, что фигура одного была изящнее, теснота ощущалась явно.

Давай познакомимся, я Ли Цзинчэнь.

Словно вовсе не замечая неприязни во взгляде Е Цзинли, Ли Цзинчэнь повернул голову. Его взгляд был одновременно спокойным и таящим в себе глубокое, тлеющее пламя.

Су Юй.

Скользнув взглядом по резким, мужественным чертам лица Ли Цзинчэня, Е Цзинли уперся глазами в эти холодные, бездонные омуты, выгнул бровь иронично изогнул губы.

Думаю, у нас найдётся немало тем для разговора.

Не сводя глаз с Е Цзинли и не упуская ни малейшего изменения в его выражении лица, Ли Цзинчэнь подался вперёд, в одно мгновение сокращая расстояние между ними.

Воздух в помещении, где строго поддерживалась комфортная температура, от этого жаркого столкновения взглядов словно начал накаляться.

Нет.

Е Цзинли посмотрел на недоумённое лицо Ли Цзинчэня, его прежде прямая спина расслабилась, и он вальяжно откинулся на спинку дивана.

Уголки его губ тронула усмешка, а рука непринужденно скользнула по спинке кресла.

Со стороны могло показаться, будто он собирается заключить этого крупного мужчину в свои объятия.

У нас ведь возрастная пропасть, профессор Ли.

Алые губы чётко выговорили каждую фразу. Глядя на то, как лицо собеседника на мгновение застыло от удивления, Е Цзинли не удержался и довольно сощурился.

Когда помощник Линь, обегав всё вокруг в поиски шефа, наконец нашел его, перед ним предвстала весьма странная картина.

Два рослых мужчины теснились на одном диване, и всё же выглядело это на удивление гармонично. Они вроде бы беседовали втёмную, но почему-то помощнику казалось, будто в воздухе искрят невидимые клинки.

Смахнув со лба пот от недавней беготни, помощник Линь мысленно отругал себя за панику и глупые фантазии, после чего поспешил подойти к Ли Цзинчэню и доложил шёпотом.

— Первый танец?

Е Цзинли приподнял брови, невольно переведя взгляд на внезапно зашумевшую толкучку в дальнем конце залы.

Очевидно, гости обсуждали именно это.

Согласно изначальному сценарию этого мира, из-за преждевременного ухода главных хозяев праздника бразды правления взял в свои руки главный герой Ли Хаотянь. Вместе с ошеломляющей Ань Цзинь они произвели фурор, заставив всех говорить о себе.

Но сейчас Ли Цзинчэнь никуда не ушел, а значит, Ли Хаотяню попросту не оставалось пространства для маневра.

Обладая столь же выдающейся внешностью и безупречной фигурой, стоило этим двоим покинуть своё укрытие и вновь появиться перед людьми, как в зале на секунду воцарилась тишина, сменившаяся еще более оживленным гулом.

Заметив, какими жаркими взглядами одаривают Ли Цзинчэня присутствующие дамы, Е Цзинли злорадно покосился на него, приподняв бровь с немимым намёком: о, да на вас тут виды имеют!

Хотя на самого Е Цзинли тоже смотрели многие, главными героями первого танца суждено было стать не им.

Глядя на Ли Цзинчэня, Е Цзинли улыбался всё веселее.

Тяжело нести бремя женского внимания!

Вот теперь помучайся!

Встретившись взглядом с этими живыми, лукавыми глазами, Ли Цзинчэнь на секунду замер, но в тот же миг ухватил промелькнувшую в голове спасительную мысль.

И медленно улыбнулся.

Е Цзинли внезапно почувствовал лёгкий холодок на затылке — дурное предчувствие кольнуло в груди.

Его ноги замерли. Сделав вид, что ничего особенного не происходит, он уже собирался тихонько ретироваться, как вдруг, сделав шаг назад, налетел на растерянное лицо помощника Линь.

И зачем только он загляделся на чужие зрелища!

Прищурившись на улыбку Ли Цзинчэня, Е Цзинли мысленно чертыхнулся, но внешне сохранил безупречную манеру и светскую улыбку, проницательно и предупреждающе глядя на мужчину.

Пойманный этим колючим взглядом, Ли Цзинчэнь почувствовал, как сердце забилося ещё быстрее. Вместо того чтобы отказаться от задуманного, он лишь сильнее укрепился в своём решении.

Приняв угрозу за одобрение, Ли Цзинчэнь шагнул вперёд своими длинными ногами, мгновенно сокращая расстояние до не имеющего пути к отступлению Е Цзинли.

Одна его рука медленно протянулась вперёд.

И замерла прямо перед Е Цзинли.

Это был классический жест приглашения на танец.

Глава 7. Белый лунный свет и черносердечный лотос (часть 7)

Почти в тот же миг тишину в банкетном зале разорвали восторженные крики, улюлюканье и взрыв аплодисментов.

По тем или иным причинам на празднике присутствовало немало молодежи, пришедшей со своими родителями.

Все они привыкли отрываться по полной. Поначалу, пока рядом находились старшие, все вели себя чинно, но стоило родителям удалиться в чайную комнату неподалёку, как в зале остались одни молодые.

— Давай! Жги!

Молодая энергия, юношеские гормоны и общая атмосфера куража захлестнули зал с головой, мгновенно накалив обстановку до предела.

Е Цзинли отчётливо чувствовал, как на него устремились десятки пар глаз. Под непрекращающийся, нарастающий гул толпы воздух казался раскаленным до предела.

Е Цзинли без малейших угрызений совести проигнорировал всё происходящее вокруг и опустил взгляд на руку, замершую прямо перед ним.

Эту руку он детально рассмотрел еще в самый первый момент, когда только переместился сюда. Тонкая и изящная, словно выточенная умелым мастером, она казалась идеальной до последнего дюйма. Сейчас она непоколебимо замерла перед ним, а приглашающий жест выглядел одновременно мягким и джентльменским, но...

Е Цзинли прищурился, встретившись взглядом с Ли Цзинчэнем, чьи глаза прятались за стеклами очков.

Их взгляды встретились, и в воздухе словно заискрились искры.

Е Цзинли без труда разглядел в устремленных на него глазах праздный интерес, веселье, а еще глубокий, не терпящий возражений вызов.

Е Цзинли внезапно приподнял бровь, и его взгляд, острый как лезвие, без малейшей уступчивости безжалостно полоснул по этой безупречно очерченной руке.

Приняв его угрозу к сведению, Ли Цзинчэнь не отступил ни на шаг. Изгиб уголков его губ становился всё шире, а тонкие линзы очков почти не скрывали пламень в его глазах.

В подобной обстановке и при такой атмосфере у Е Цзинли практически не оставалось шансов на отказ.

Впрочем, он на самом деле и не думал отказываться.

В реальном мире, чтобы поддерживать авторитет и ограждать себя от лишних хлопот, он всегда держался образа бесстрастного и холодного элитарного гения. Будучи самым молодым и результативным ученым Империи, первым гражданским лицом, удостоенным Звездного Знака, Е Цзинли неизменно оставался объектом всеобщего преследования. Если бы он сам не позаботился о мерах предосторожности, последствия могли бы обернуться тем, что у него просто не осталось бы времени на продолжение экспериментов и исследований. Поэтому он с успехом отпугивал излишне назойливых поклонников и поклонниц с помощью непроницаемого, до крайности красивого холодного лица.

Но сколько бы людей ни верили этому образу, в конце концов, это была лишь игра.

Едва ступив в этот мир супер-икса, он твердо решил больше не позволять тем или иным причинам связывать себя по рукам и ногам. Здесь он не Е Цзинли. Здесь он — вольный в своих поступках Су Юй.

Раз уж играть, так по полной!

Ли Цзинчэнь вздумал устроить ему ловушку?

Под почти срывавшие крышу возгласы восторга Е Цзинли крепко сжал руку Ли Цзинчэня, а затем повернулся к собравшимся и высоко вскинул их соединенные руки вверх.

Бум!

Атмосфера накалилась в один миг. Под оглушительный шум оба оказавшихся в центре внимания мужчины одновременно повернули головы.

Стоило их взглядам соприкоснуться, как между ними словно вспыхнула искра от небесного громоотвода, выбив обжигающие искры.

Ли Цзинчэнь почувствовал, как его дыхание становится невольно учащенным. Сжимавшая его руку ладонь была чуть тоньше в суставах, но в ней не чувствовалось ни капли женственности, и Ли Цзинчэнь отчетливо ощущал силу и твердость, исходившие от нее.

Хотя они всего лишь соприкоснулись ладонями, Ли Цзинчэню показалось, будто он залпом осушил огромный бокал водки, и невыносимый жар волной поднялся прямо из глубины ладони. Сухость во рту заставила его машинально облизать губы.

Не упустив этот маленький жест, Е Цзинли с улыбкой в глазах мгновенно разжал руку, которую Ли Цзинчэнь попытался сжать крепче, и в момент высвобождения его округлые кончики пальцев будто невзначай легко скользнули по раскаленной ладони мужчины.

Ли Цзинчэню показалось, что у него даже сердце затрепетало. Он уставился на Е Цзинли взглядом, раскаленным до предела и казавшимся почти свирепым.

Сделав легкий и ловкий шаг в сторону, Е Цзинли изящным движением мгновенно увеличил расстояние между ними. Развернувшись и одарив Ли Цзинчэня ничуть не скрываемым вызывающим взглядом, он повернулся к бурлящей толпе и решительным, отточенным движением сбросил пиджак.

Под облегающей белой рубашкой его великолепная фигура предстала во всей красе: при каждом движении проступали идеальные очертания тела, рельеф мышц был настолько завораживающим, что окружающим стоило немалых трудов удерживаться от того, чтобы не пялиться на него.

Если бы не приличия, молодые мужчины и женщины, чьими мозгами целиком завладели гормоны, уже давно бы сорвались с мест и бросились на него.

Как раз в этот момент заиграла музыка.

Заранее выбранная мягкая мелодия казалась совершенно неуместной при нынешнем раскаленном до предела накале страстей. Помощник Ли хмуро сдвинул брови и уже собирался пойти потребовать смены трека, как дорогу ему преградила чья-то рука.

Ли Цзинчэнь, чей взгляд пылал, практически мгновенно уловил перемену в общем настроении Е Цзинли.

Молодое тело, находящееся на грани между юношей и зрелым мужчиной, стройное и гибкое, источало буйную жизненную силу и скрытую взрывную мощь.

Словно наконец сбросив напускную оболочку, Е Цзинли сейчас полностью раскрыл свою ауру, и в каждом его движении сквозила завораживающая, будоражащая кровь харидра. Его прямые длинные ноги в процессе шага непринужденно отбивали танцевальный ритм.

Музыка была сравнительно мягкой, но в сочетании с его движениями она словно наполнялась мощными, чеканными басовыми ударами — страстная и гармоничная, она легко заставляла каждого прочувствовать эту нахлынувшую волну энтузиазма.

Взгляды толпы следовали за каждым шагом этого человека, и казалось, что каждый его шаг отпечатывается прямо на сердце, заставляя и собственный пульс учащенно биться в такт.

Атмосфера резко накалилась.

Еще во время противостояния с Ли Цзинчэнем Е Цзинли заранее мысленно прогнал и изучил эту танцевальную композицию с помощью супер-икса.

Благодаря феноменальной памяти и полному энергии телу, движения Е Цзинли не были отмечены ни малейшей заминкой или неловкостью. Плавные и стремительные, они с легкостью покорили всех присутствовавших дам и часть мужчин своей мужественной харизмой.

Боковым зрением заметив Ли Цзинчэня неподалеку, Е Цзинли позволил уголкам губ изогнуться в лукавой улыбке.

В такт неожиданному переходу мелодии к кульминации, он изящно взмахнул рукой, и в тот самый момент, когда всеобщее возбуждение достигло пика, сделал резкий выпад ногой и внезапно скользнул прямо к Ли Цзинчэню.

На мгновение их дыхание смешалось.

А в следующий миг они снова отдалились.

Перед ним замерла белая, как нефть, рука.

Словно повторение истории.

Только теперь на танец приглашал пылкий юноша.

Позади раздавались несмолкающие вопли. Встретившись с предельно вызывающим взглядом Е Цзинли, Ли Цзинчэнь тихо усмехнулся, поднял руку и на глазах у изумленного юноши стремительно перехватил его запястье, переплетя их пальцы в крепкий замок.

Обстановка мгновенно стала двусмысленной.

Но только они двое знали, какое усилие скрывалось за давлением чужой ладони: в этом на вид двусмысленном жесте не было ни грана нежности или ласки.

Только скрытая борьба мужских сил.

Ах этот сорванец, сразу было понятно, что у него на уме недоброе!

Ли Цзинчэнь с легкостью отразил маленькую ловушку, расставленную Е Цзинли. Внешне он выглядел невозмутимым и расслабленным, но на самом деле лишь он один знал, что секунду назад чуть было не поддался искрам чужой красоты и не упустил из виду мелкие маневры противника.

Увеличив бдительность до предела, Ли Цзинчэнь под всеобщие восторги, используя движение танца, резко подался вперед и наклонился к самому уху Е Цзинли.

Обжигающее дыхание окрасило нефтяную кожу на щеке в легкий румянец. Довольно усмехнувшись, он прошептал голосом, хрипотца в котором удивила и его самого:

— Задумал подсидеть меня? Неплохо...

Нисколько не смущаясь тем, что его хитрость не удалась, Е Цзинли смотрел на него взглядом, в котором задорный вызов разгорался всё ярче.

Очевидно, этот мужчина пробудил в нем настоящий спортивный азарт.

Одарив его улыбкой хищника, поймавшего добычу, Е Цзинли обжег взглядом каждый дюйм наполненных взрывной силой мышц Ли Цзинчэня.

Его взгляд выглядел так, будто он мысленно прикидывал, с какой стороны лучше сделать надрез.

Эти глаза напоминали миниатюрные крючки с зазубринами, и Ли Цзинчэнь физически ощущал, как мышцы под одеждой начинают понемногу гореть, и этот огонь, передаваясь по кипящей крови, раскалял сердце добела.

Изначально мягкая музыка под напором их пропитанных мужским соперничеством движений

становилась всё яростнее, словно капли воды, сливающиеся в бурный горный поток.

Партнеры на площадке сближались всё сильнее, их столкнувшиеся ауры бились наотмашь, взгляды были острыми и горячими, движения — до предела мощными и властными, но в то же время исполненными истинно мужской гибкости.

Каждое движение бровей, каждый взмах руки — чисто мужское очарование так и рвалось наружу.

Вся площадка казалась готовой взорваться от этого переизбытка тестостерона.

Мелодия приближалась к финалу, и настоящая кульминация обрушилась на присутствующих совершенно внезапно.

Ли Цзинчэнь отчетливо уловил промелькнувшую в глазах противника хитринку и в ту же секунду догадался о его планах: он хочет провести его.

Притворившись, будто он ничего не замечает, Ли Цзинчэнь с затаенной на дне глаз глубокой улыбкой наблюдал, как стоящий напротив юноша неумолимо приближается.

В самую последнюю секунду затихающей музыки.

Ли Цзинчэнь внезапно применил ловкий прием, и его высокое крепкое тело изящно ускользнуло от змееподобных объятий Е Цзинли.

Вложив в движение всю взрывную силу, он круто переломил ход событий.

Потерявший опору юноша не успел среагировать, как мужчина внезапно притянул его к себе.

Сильные руки намертво обвили желанную гибкую талию.

Ли Цзинчэнь опустил взгляд, больше не скрывая торжества в глазах.

Музыка смолкла, грянули громовые аплодисменты, а восторженные крики еще долго не умолкали.

Это скрытое противоборство стоило обоим немалых физических затрат. Ли Цзинчэнь слегка тяжело дышал, но победа в самом конце наполняла его взгляд нескрываемым чувством гордости.

А затем он встретился взглядом с глазами, в которых не было ни капли удивления или

растерянности — лишь торжествующее лукавство.

Оказавшись крепко прижатым к чужой груди, Е Цзинли отчетливо ощущал обжигающий жар тела мужчины и плотные мышцы под тканью рубашки.

И едва уловимый знакомый шлейф аромата, касавшийся его ноздрей.

Этот запах постепенно сливался воедино с тем, что он чувствовал вчера в кофейне.

И правда...

<http://bllate.org/book/21656/2234768>